

Пролог

Сегодня будет особенный день. Наполненный ароматом кофе и мандаринов, шелестом конфетных оберток, детским смехом, звонким, как бубенцы на повозке Деда Мороза. Вечером зажгут гирлянды, натянутые между деревьями, и, мокрые от дождя, они будут мерцать, покачиваясь на ветру.

И обязательно пойдет снег, у Мороза еще целая неделя, чтобы исправиться к Новому году. А потом — неделя выходных! Я сдвинул зонт над головой и попытался улыбнуться дождю, шлепая по лужам.

Все плохое останется в прошлом, все хорошее скоро начнется...

Хлюп! Нога провалилась в колдобину, и весь мой аутотренинг размяк и захлюпал. Твою ж! По самую щиколотку провалился, да в жижу. Теперь домой возвращаться — какой уж там магазин!

Меня обогнули два гостя из Средней Азии. Один из них, толстый, в заношенной бейсболке в цветах американского флага, пробормотал

что-то, и, перебежав дорогу, эта парочка исчезла в магазине, где все было втридорога, кроме паленого пойла. И что? Ну да, праздники. Чтоб их, семейные! Но семьи больше нет. Аленки нет. Потому что кто-то решил, что ей нужно рожать естественным путем, несмотря на риски. В итоге ребенок умер. Жена попала в реанимацию, но кровотечение остановить не удалось. Полгода прошло, а легче не стало. Все инстанции оббегал, самых дорогих юристов нанял, и лишь один честный отказался от дела, сказал, что врачей редко удается осудить. Тем более таких, как дочь начальника службы родовспоможения при министерстве здравоохранения.

Страна в кризисе. Продажи в заднице. Я бросил взгляд на билборд, где тип с масляной рожей держал пылесос и смотрел на него с вожделием, как на Скарлетт Йоханссон, которую собрался оприходовать.

«Купи жене подарок! Новогодние скидки! Море сюрпризов!»

«И сосну в подарок», — невесело подумал я.

Семью потерял. Все возможности — тоже. В общем, не разбогател, не прославился, не развил таланты... А ведь было что развивать! Мог бы играть в футбол и стать вратарем — отлично же получалось. Но выбрал карьеру экономиста. И тоже не развил, не до того стало, когда заболела мать. Мог бы податьсь в стендап. Мог бы выучить десять языков, с моей-то памятью! Но каждое дело требует самоотдачи хотя бы на начальном этапе, а я не в силах был

бросить маму и уехать в Москву, да и деньги на лечение понадобились немалые.

Жаль, что сейчас уже поздно начинать. А как дышал, как дышал...

Да и что начинать, когда в сорок с чем-то на собеседованиях на тебя смотрят, как шиномонтажник на лысые покрышки «жигулей»? Да, фотографическая память, да, английский, немецкий, немного турецкого и болгарского — но произношение-то ужасное. И «раз ты такой умный, то почему не богатый», зачем тебе работа в нашей мелкой компании? Извини, чувак, но мы возьмем специалиста помоложе, на котором можно ездить, пока он в твои сорок не откинется кверху копытами, а потом не уползет в свою нору доживать — прохудившаяся прокладка корпорации. На тебе-то фиг поездишь, раз в свои сорок один такой здоровенький. А должность повыше надо заслужить. Не всем удается: во-первых, не все доживают, во-вторых, у некоторых коллег есть правильные родственники.

Как говорится, поздно пить боржом.

Захотелось кого-нибудь ударить. Но не себя же бить!

Мной овладела злость. На себя, на врачей-коновалов, на сборщиков мебели, у которых то акула поломалась, то свисток оглох, то на шимо белый и шимо темный — самые популярные цвета в этом сезоне, — на клиентов (где мой шкаф?), на поставщиков (ну вы понимаете, «газель» поломалась, а на прошлой неделе грузчики напились, а на позапрошлой у меня бабушка

умерла, да, уже пятая). Но главное — на шефа, похожего на голубя-дутьша с характером старухи Шапокляк.

Я повернул домой, засеменял по пустынной улице, закрыв зонт, чтобы дождь остудил злость. Капли быстро намочили голову, заструились за шиворот.

Вспыхнули фонари вдоль дороги. Проезжающие легковушки поднимали перед собой настоящие цунами брызг, как омывающие асфальт машины в лучшие времена. Дождь тарабанил по крышам, шлепал по лужам, и в его грохоте тонул шум моторов.

До родного двора оставалось минут пять, когда сквозь грохот дождя прорезался отчаянный женский крик и сразу оборвался, как будто этой девушке закрыли рот. Я остановился, бушующий в крови адреналин подтолкнул сердце, и оно сорвалось в галоп.

Где?

Точно не на той стороне улицы — слишком далеко. И не в квартире этой пятиэтажки — не услышал бы. Взгляд зацепился за дыру в металлопрофильном заборе в паре метров от меня, из-за которого торчали блоки недостроенной многоэтажки. Наполовину утонув в луже, валялся букет цветов.

Стройка то затухала, то оживала, и тогда от туда, как тараканы, расползались по окрестностям понаехавшие гастарбайтеры — то наши, то какие-нибудь таджики. Видимо, хозяин не любил платить, потому работники и менялись.

Догадка полоснула по разуму молнией — ах вы ж черти усатые!

Крик больше не повторялся, но и так было ясно, что к чему. Ругнувшись, я скользнул за забор, перехватывая зонт поудобнее. Зонт был непростой, тактический забугорный — купил за большие деньги с рук, испытал, убедился в надежности.

В бытовке с приоткрытой дверью горел свет. Погасив желание ринуться в бой немедленно, я оценил свои шансы: за спиной шесть лет бразильского джиу-джитсу в зрелом возрасте, множество спаррингов и ни одного реального боя. Тысячу раз слышал, что в уличном бою все эти приемы не более чем мишура... Типа против лома нет приема.

Хлесткий шлепок и женский вскрик подстегнули, и я в два прыжка добрался до бытовки, заглянул внутрь. Двое работников в фуфайках держали девушку за руки и ноги, распластав на разложенном диване. Третий что-то приговаривал, зажимая ее рот и пытаясь стянуть узкие джинсы. Четвертый стоял чуть в стороне и, судя по экспрессии, гортанно и не по-русски материл ширинку, пытаясь ее расстегнуть. Национальные ругательства не помогли, и он подключил русские: «Я тебе рот открывал!»

Помещение стандартное, без перегородок, два с половиной на шесть метров. У входа — шкаф для одежды. Диван, разложенный посреди бытовки, занимает огромную часть площади, не разгуляешься.

Гастарбайтер, так и не победивший ширинку, меня увидел, но не успел подать сигнал тревоги — я атаковал, но не его: он был далеко, за изголовьем дивана. Со всей силы ткнул стальным наконечником зонта в третьего строителя, который был на девушке, целя в позвоночник между грудным и поясничным отделами. На тебе, урод!

Он завопил, заваливаясь набок. Одновременно заорал дальний, подтянул портки и кинулся к столу у окна, где между кольцами нарезанной колбасы и переполненной пепельницей лежал обычный кухонный нож.

Два других строителя отпустили девушку. Казалось, она подлетела на пружинах, запахнула пальто и рванула прочь, чуть не сбив меня с ног.

Да это же Юлька из соседнего дома! Девчушка еще в школе учится! Вот же уроды, на ребенка напали! И если раньше я планировал просто отбить девушку и ретироваться, то теперь воспылал, как говорится, гневом праведным. Такое нельзя оставлять безнаказанным!

Сам я их наказывать не собирался, этим пусть полиция занимается. Оставалось только эту самую полицию как-то вызвать. Я потянулся за телефоном, но в этот момент бородатый гастарбайтер, стоящий справа от дивана, дернулся, и я насторожился, приготовил зонт для удара.

Бородач попятился, примирительно вскинул руки:

— Ни нада бить, брат! Я не хотэл, Шайтан хотэл!

— Не брат ты мне, — сплюнул я на диван тухлое слово.

А тот, кого назвали Шайтаном, запротестовал:

— Э-э-э! Сиколько раз тебе говорил: мыня завут Айтан! А ты сам есть шайтан!

— Тибэ гавариль: шылюх купи! А ты: доро-го, дэнэг жалка! А тыпэр мынтам плати! Кто ти значит? Шайтан!

Они начали пререкаться, а тем временем строитель слева заозирался, подошел к своим. «Правый», самый здоровый, рыпнулся было ко мне, но отскочил, когда я попытался достать его зонтом, примкнул к остальным, и только пострадавший выл, скорчившись у моих ног.

Теперь диван отделял меня от стаи гастарбайтеров, один из которых вооружился ножом, второй взял недопитую бутылку, третий зачем-то стряхнул колбасу с разделочной доски и выставил ее перед собой. Как бы ни хотелось их отмудохать, правильнее было не рисковать.

Одной рукой держа зонт, я достал смартфон и задал голосовую команду:

— Алиса, вызови полицию.

Корчащийся строитель попытался встать, но я пнул его в живот, и он опять сложился. Стая переглянулась, и здоровый пробубнил:

— Скажи Алис, ни нада полисия! Дэнги есть.

— Брат, нэт полисия!

Громила принялся выворачивать карманы, поглядывая на меня.

— Старший сержант Наталья Малышева, слушаю вас, — донеслось из телефона.

Не сводя глаз с несостоявшихся насильников, я представился, назвал адрес и завершил:

— Попытка изнасилования несовершеннолетней группой лиц...

В этот момент лицо здоровяка изменилось, на нем появилось облегчение, я обернулся, но поздно — подкравшийся со спины поделщик строителей в звездно-полосатой бейсболке, один из тех, что перебежали дорогу и направлялись в магазин с паленым пойлом, вогнал мне нож под ребра. Боли я не почувствовал. Услышал лишь скрежет стали о кость.

Главное, не дать вытащить нож, чтобы не хлынула кровь... Но поздно. Последовал удар и еще удар. Телефон выпал из моих рук, там тикал таймер, горел вызов 102.

— Александр? — заволновалась дежурная. — С вами все в порядке?

— И убийство, — хрипнул я, прежде чем увидел, как меркнувший, расплывающийся ботинок моего убийцы обрушивается на телефон.

А потом наступила темнота, ощущения отключились, но остались мысли — четкие, почти осязаемые: «И это все? В чем же смысл?» Промелькнуло стихотворение Летова:

Жизнь прошла, как очередь
За табаком
У некурящего.

Досада отступила. Я не чувствовал тела, не понимал, где нахожусь и что происходит, остались только звенящая тишина и полное ощущение умиротворения. Словно что-то говорило мне: «Все, Саня, конец. Можешь расслабиться».

— Да, Саша, ты умер. Так же, как твоя жена Алена и неродившийся сын. Но если их земная жизнь закончена окончательно, то твоя продолжается.

Я заозирался. Точнее, попытался, потому что у меня то ли не было головы, то ли она не слушалась. И глаз, похоже, не было. Но, как говорится, *cogito, ergo sum* — мыслю, значит, существую. Вопрос только — в каком виде? Как голова профессора Доуэля?

— Я решила дать тебе шанс пожить так, как ты всегда мечтал, — продолжил голос. — А как ты им воспользуешься, зависит от тебя.

— Ты решила? Ты... простите, то есть вы женщина? Богиня? — ответил я скорее мысленно, чем вслух.

— У меня нет пола, дурачок. — Голос все больше становился женским и журчащим, а уж звонкий смешок точно был девичьим. — Но я знаю, тебе приятнее этот образ. Ведь так? Можешь не отвечать, я все о тебе знаю. Намного больше, чем ты сам.

— И чем же я заслужил? — Я вспомнил убегающую от насильников Юльку и, кажется, понял. — Как это будет выглядеть?

Вспомнились многочисленные прочитанные книги о попаданцах. Куда они только не попадали! В себя юного, в себя молодого, в разного рода исторических личностей, в графов и баронов. Один чудак даже писал о попаданце в глисту в кишечнике Сталина. Надеюсь, богиня не станет так жестоко шутить.

Ответ меня удивил:

— Заслужил много чем. Ты жил по совести. И когда заболела мать, остался, хотя мог бы уехать из родного города и сделать карьеру. Учитывая твои таланты, у тебя получилось бы. Но ты двенадцать лет жизни посвятил смертельно больному близкому человеку.

— Любой поступил бы так же.

— Поверь, нет. Да и ты не любой. Тебе многое дано. Ты мог бы стать знаменитым вратарем, известным лингвистом, юмористом, переводчиком.

— Если бы да кабы...

— И ты ЗНАЕШЬ, что у тебя получилось бы, — повторила она с нажимом. — Ты пожертвовал не вероятностью успеха, а гарантированным успехом и предпочел близкого человека, поддерживал как мог, хоть и знал, что болезнь неизлечима, дальше будет только хуже.

Двенадцать лет я жил в аду. Будь у меня тело, наверное, сейчас я испытал бы боль, а так просто констатировал факт: да, имел место такой эпизод.

Богиня (или кто она там?) дала мне полминуты на раздумья и продолжила:

— Пусть институт брака в вашем обществе далек от того, что я вам рекомендовала, но ты хранил верность жене и даже не пытался ей изменить.

— А зачем изменять? — удивился я. — У нас с Аленкой все было хорошо.

— И даже не тянуло налево?

— Я не железный, — смутился я.

— То-то. А ведь соблазнов и возможностей было столько, что и двух рук не хватит пересчитать! Вспомни только ту соседку-студенточку с огромными достоинствами и пустой головой! Она же тебя чуть было орально не изнасиловала, когда ты по доброте душевной ей стиральную машинку подключил, чтобы не платить за работу.

— Я ни за что бы не сделал больно жене.

— Но ты смог устоять даже тогда, когда был стопроцентный шанс изменить с той красоткой-татарочкой, причем не поправшись, помнишь?

Я помнил, да и как было забыть невероятной красоты молодую женщину, непонятно почему вдруг запавшую на меня? Три дня и три ночи в одном с ней отеле на отраслевой выставке, куда я поехал без Алены, активные приставания ко мне... До сих пор не понимаю, как устоял.

— Помню, — буркнул я.

— Ну вот, спустя столько лет помнишь. И ведь никто бы не узнал!

— Я бы знал. Как бы потом жене в глаза смотрел?